

Гугняк Валерий Яковлевич

О «ВСЕОБЩЕЙ ЭКОНОМИКЕ» Ф. ПЕРРУ ON THE «GENERAL ECONOMY» F. PERRY

Сведения об авторе: Гугняк Валерий Яковлевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление на предприятиях малого и среднего бизнеса» ИТЛП Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского. Автор имеет более 40 научно-методических трудов. Сфера научных интересов: Исследование проблем микро-макрэкономии, мировой экономики и международных экономических отношений. История экономической мысли России и зарубежных стран.

About the author: Gugnyak Valery Y., Ph.D., assistant professor of «Economics and Management at the enterprises of small and medium-sized businesses» ITLP Moscow State University of Technology and management. KG Razumovsky. The author has more than 40 scientific and methodical works. Research interests: Research of problems of micro-macroeconomics, world economy and international economic relations. The history of economic thought in Russia and abroad.

Контактная информация: тел. 8-905-506-77-15

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы «фундаментальной экономики», концепция которой разрабатывалась в 50-60-е годы XX века французским экономистом Франсуа Перру (1903 — 1987).

Annotation. This article discusses the «fundamental economics, the concept of which was developed in 50-60 years of XX century French economist Francois Perroux (1903 - 1987).

Ключевые слова: ценность, инновации, конвергенция экономических систем, капитализм, социализм, структурный империализм, идеология индустриализма, технократия.

Keywords: value, innovation, convergence of economic systems, capitalism, socialism, imperialism is structural, the ideology of industrialism, technocracy.

С середины 50-ых годов XX века, когда с приходом к власти в СССР в качестве генерального секретаря КПСС Н.С. Хрущева и проводимой им политики «разрядки» международных отношений в неприступном до того времени «железном занавесе», появились некоторые прорехи, через которые стали видны реальные черты страны «победившего социализма». В странах Запада все большую популярность приобретают различные разновидности теории конвергенции систем капитализма и социализма. Наиболее известными представителями этой теории были одни из ведущих американских социологов: Питирим Сорокин (эмигрировавший в 1922 г. из России), популярный среди советской гуманитарной интеллигенции в 50-60-е годы ироничный Джон Гэлбрэйт, книги которого во времена брежневского «застоя» трижды были изданы в СССР (что само по себе было редким явлением), институционалист и либеральный критик американского капитализма, а также Раймон Арон, крупный французский философ, социолог и политолог, между прочим, изощренный критик социализма и коммунистической идеи в целом.

Еще до появления своих лекций об индустриальном обществе (в начале 60-х гг), Р. Арон развивал в 1955 г. идеи теории конвергенции. В работе «Опиум интеллектуалов» (1955 г.) он писал: «Советское общество, вероятно, содержит в основе своей системы ценности противоположные западному обществу, но теперь эти два мира начинают взаимное сближение, чтобы столкнуться свои общие ценности. Борьба мнений о форме собственности и планировании экономики обнаруживает меньше намерений, чем технических средств»¹. И далее: «технично-бюрократическая иерархия, в которую вовлечены трудящиеся, не изменяется при перемене, внесенной статусом собственности»²; «современная система производства представляет собой иерархию, которую мы будем называть технобюрократией»³, и национализация не защищает трудящихся от начальства, потребителя против монополиста, несправедливость существует в обоих мирах, распределение прибыли в режимах советского типа является не более уравнительным, чем в капиталистических режимах, а уровень зарплат и в СССР и на западе зависит прежде всего от производительности труда.

Одним из вариантов теории является идея «всеобщей экономики» Ф.Перру. Эту идею можно рассматривать в некоторых аспектах: а) как цель экономического раз-

вития, но не та конкретная цель, которая стоит перед индикативным планом на тот или иной период (достижение определенного темпа экономического роста, равновесие платежного баланса и т. д.), это и не «полная занятость» в модели регулирования экономики у кейнсианцев, - это внутренняя идея экономического развития, специфическая форма идеала, к которому она постоянно стремится и никогда ее не достигает; б) как фундаментальная основа всякой экономики, независимо от институциональных форм ее функционирования; в) как гармонизация экономических отношений в международном масштабе.

Впервые идея создания «фундаментальной экономики» была высказана Перру еще в 1943 г. в работе «Ценность» и окончательно сформировалась в 50-е годы. Сам термин «всеобщая экономика» заимствован у известного французского философа Мерло-Понти (см. «Приключения диалектики», 1954), который выразил пожелание, близкое тому, что думал об этом сам Перру: создать теорию экономики, где и капитализм и социализм были бы всего лишь частными случаями (формами). Идея «всеобщей экономики» должна «расширить концепции, на которых сконструированы две противоположные экономические системы». Речь идет не о том, чтобы вывести общие черты, присущие той и другой экономике; напротив, задача состоит в анализе того, «как различные...институты служат выполнению общих и специфических экономических функций»⁴. Противоположность между капитализмом и социализмом, между двумя «системами», считал Перру, - это не более чем идеологический миф, оружие в борьбе двух исторических коалиций: Востока, который представлен СССР и его сателлитами, и Запада, где доминируют США. Коалиция бедных противопоставит коалиции богатых; «и то и другая коалиция выступают как интернационалистские. Каждая из них стремится к мировой экспансии в ущерб другой».

Это особая форма империализма, «структурный империализм», специфичный для XX в., вызванный к жизни противоречием между развитием современной техники и связанной с ней концентрацией производства, не желающим мириться с существованием государственных границ и требованиями национального суверенитета. Борьба двух блоков не сводилась к рациональному противостоянию двух систем, «капитализма» и «социализма». И тот и другой стремятся к преобразованию мира на лучших началах, понятых по-своему. Поэтому эко-

номика каждой из этих «систем» слишком ограничена, узка по своим концептуальным возможностям. «Экономические системы, - не без сарказма замечает Перру, - существуют главным образом в учебниках». Идея же «всеобщей экономики» должна преодолеть эти узкие рамки; «это всеобъемлющая идея экономики человека, понимаемой, как экономика для каждого человека и экономика для всех людей»⁵. Иначе говоря, экономика, существующая в двух таких, на первый взгляд, противоположных ипостасях как капитализм и социализм, одушевлена живой идеей движения к созданию экономики более гуманной, более человеческой, где мог бы раскрыться потенциал человеческой личности, деятельность которой была бы направлена прежде всего не на удовлетворение своих эгоистических интересов (погоня за прибылью, потребление товаров и услуг), а на реализацию высших ценностей, одухотворяющих человеческую жизнь.

Всеобщая экономика, подчеркивает Перру, не возникает вдруг, сразу, она вызревает в глубинах существующей экономики медленно, постепенно принимая осязаемые формы. Она не есть нечто определенное и завершенное, и в принципе не может быть таковой, она всегда в пути, в процессе постоянного и бесконечного, но никогда не завершающегося становления; «всеобщая экономика не достигает какого-либо состояния, которое можно было бы считать окончательным и определенным; на какой бы стадии она ни была, - она всегда на пути становления»⁶. Это движение от «экономики скудности», где приоритет отдается обогащению, увеличению потребления вещей, и где господствуют эгоцентрические мотивы экономического поведения людей, но при этом значительная часть человечества, даже в богатых странах, не способна удовлетворить свои элементарные потребности в направлении создания «экономики без редкости», «общества без принуждения», где отсутствует само понятие бедности, а богатство перестает быть самоцелью, оно служит человеку для выполнения его высшего предназначения. «Экономика для человека предполагает удовлетворение основных потребностей всех, максимум свободы для каждого конкретного человека, чтобы он в полной мере мог раскрыть все свои способности». Экономика скудности, по мысли Перру, постепенно начинает уступать место экономике для каждого человека и для всех людей⁷. В этот переходный период резко усиливается значение распределительных и перераспределительных процессов.

Однако ни одна нация, взятая изолированно, не располагает средствами для претворения в жизнь «экономики для человека», только «супранациональные инновации, крупные новые комбинации в масштабе многих наций» сформируют предпосылку такого увеличения общественного продукта, который позволит создать условия, «достойные человека». Средства достижения этого — создание сверхнациональных организаций и мондиализация экономик. Стремление народов к росту благосостояния, которое становится все более массовым, несовместимо с национальными границами при решении экономических проблем. Требования «экономики для человека» направлены против ограниченности «экономического национализма», против самой сути националистической экономики; «в вековой борьбе за свободу» человечество должно преодолеть узость таких социальных образований как «класс» и «нация». Объединение усилий многих наций способно само по себе дать огромный экономический выигрыш, что уже можно наблюдать, например, в странах Западной Европы.

Такова, в общих чертах, концепция «всеобщей экономики» Ф. Перру, представляющая собой причудливое переплетение реальности и утопии. С одной стороны, он противопоставляет реальную тенденцию в экономике к интернационализации производства узости национального экономического пространства, объявляя это противоречие чуть ли не главным для его эпохи и выставляя нацию в качестве важнейшего препятствия реализации идеи «экономики для человека» (в дальнейшем, в конце 70-ых годов в «Философии нового развития», этот «экономический космополитизм» Перру, игнорирующий самостоятельную ценность нации-государства, уступит место тому самому «экономическому национализму», который был склонен столь высокомерно третировать в 1958 г.), а с другой — проявляет прямо-таки наивную веру в благие намерения сверхнациональных организаций, озабоченных будто бы благом всего человечества, забыв, вероятно, о том, что такие организации, как это показал опыт деятельности МВФ и МБРР, обычно выражают интересы, если использовать его собственную терминологию, «доминирующих единиц» в мировой экономике не намеренных упускать собственную выгоду и соответственно этому устанавливающих те «правила игры», которыми руководствуются данные организации.

«Экономика для человека» как идеал, к которому реально экономика стремится (в

тенденции), преодолевает бесконечные препятствия на своем пути приближения к нему и все-таки никогда его не достигает (в полном согласии со знаменитой формулой Э. Бернштейна «цель ничто, движение все»), уж очень напоминает нам идею развития будущего коммунистического общества... Конечно, у Ф. Перру это все описано не так ярко и сочно, как у К.Маркса, не тот стиль изложения, не тот метод мышления, нет и того мощного заряда оптимизма, от которого веет энергией и верой в будущий прогресс человечества... У французского экономиста все это выражено гораздо скромнее... Да, многое другое, и времена другие. Но общее между ними что-то остается. И этим «общим» часто является А.Сен-Симон, мимо влияния которого не прошли ни К. Маркс, ни Ф. Перру. Именно к Сен-Симону восходит и «изобилие благ, которое польется полным потоком» у Маркса и «экономика без редкости» у Перру, где «исчезнут власть и принуждение». (Ф. Перру, к сожалению, нигде не объясняет, каков смысл он вкладывает в понятие «экономика без редкости» и как таковая может вообще существовать.) Многие, очень многие связывает Ф. Перру с идеями, высказанными А. Сен-Симоном. Так, например, в «экономике для человека» исчезнут власть и принуждения; и это понятно, если вспомнить слова Сен-Симона о том, что в будущем обществе управление людьми уступит место управлению вещами. Теория «гармонизированного роста» тоже уходит своими корнями к «к жевевскому обитателю»: он писал о необходимости сочетания частного интереса с общественным, об объединении различных, часто противоречивых сил в одно направление и т. д. А для идеи «всеобщей экономики» как нельзя лучше подходят слова великого мыслителя о том, что во всех фактах нужно «прочитать ясно начертанную волю, желание, цель, искомую, никогда не достижимую, но к которой человечество непрерывно приближается и направляться к которой мы должны ему помочь». Идею планового управления промышленностью мы также находим у Сен-Симона, как и идеологию индустриализма, которой во многом следует Перру в своих теоретических изысканиях. Недаром Ф. Перру сказал, что «все мы более или менее сен-симонисты».

Когда Ф. Перру утверждает, что «западная экономика в XX в. не подчиняется больше единственно логике рынка, но уже и логике экономики человеческой»⁸, он, вольно и невольно, идет также по стопам А. Сен-Симона.

На идее «экономики для человека» скажется и воздействие «благородного»,

по выражению Ф. Перру, утилитаризма Д.С. Милля, никогда не забывавшего, в отличие от современных неоклассиков с их грубо утилитарным взглядом на индивида, о высших человеческих ценностях.

Можно рассматривать концепцию «всеобщей экономики» и «как один из вариантов известной теории конвергенции капитализма и социализма». Это будет и верно и не совсем верно. Не совсем, так как Ф. Перру не причислял себя к сторонникам теории конвергенции, он относился к ней, скорее, отрицательно, из нелюбви к любым схематическим конструкциям. Он не жаловал эту теорию и потому, что основой ее был технологический детерминизм: детерминизм он не мог принять именно потому, что это детерминизм, а технологический подход, по его мнению, грешит чрезмерной односторонностью. Французский экономист стремился найти фундаментальные основы, принципы функционирования, общие экономике капитализма и социализма, при различии институциональных форм того и другого. Поскольку же обе системы продвигаются, обладая общими принципами экономической деятельности, к созданию «экономики для человека» как одной цели, то конвергенция систем будет неизбежной. И в этом смысле его концепция есть один из вариантов теории конвергенции.

Одной из важнейших задач, стоящих перед «всеобщей экономикой», или «экономикой фундаментальной», является изучение основных экономических функций. К ним Перру относит: 1) производство продукта определенного количества и качества с меньшими издержками (склонность к нововведениям), 2) перемещение добавочного капитала к точкам экономики, где он, возможно, даст наибольший продукт и позволит повысить темп роста производительности, 3) склонность к труду. Сделав эскизный набросок основных экономических функций, Перру отмечает, что эти функции выполняются всеми видами доходов. Затем он переходит к анализу экономических функций, развивая так называемую функциональную теорию прибыли. В экономике, основой которой являются предприятия и рынок, прибыль как движущая сила экономики выполняет 3 функции: внедрение нововведения, накопления капитала и регулирования⁹. Предприниматель может содействовать осуществлению научных исследований и промышленных разработок; прибыль — это источник капиталистического накопления, она играет также регулируемую роль в процессе функционирования экономики. Перру счита-

ет, что режим совершенной конкуренции не благоприятен для появления нововведений в отдельной фирме и распространения их от одной фирмы к другой. «Лишь в режиме несовершенной конкуренции появляется среда, благоприятная для экономического прогресса»¹⁰. Для олигополии характерны дифференциация производимого продукта и издержек производства. Олигополия, получая сверхнормативную прибыль, и получая ее постоянно, имеет стимул для нововведений и средства для ее реализации. Режим олигополии, писал Перру, «может быть мощным новатором», но необходимо учитывать и затраты, вызванные борьбой соперничающих фирм, и влияние, осуществляемое олигополистами с помощью рекламы на потребителя, которая несет ряд отрицательных последствий для последнего. «Рыночные механизмы не могут гарантировать, что олигополия будет новатором с меньшими издержками и с большей выгодой для общества»¹¹. Взять, например, тот же картель, «в процессе своего создания картель благоприятствует нововведению, что менее очевидно для картеля уже созданного; последний, несмотря на скрытую конкуренцию, в многочисленных, хорошо известных случаях создает препятствия для нововведения... чтобы повысить прибыли, извлекаемые из господства на рынке». Прибыль, или, точнее, сверхприбыль, может быть, таким образом, результатом как нововведения, так и установления господства над рынком. Идея, согласно которой, крупные фирмы, лучше используют ресурсы, по мнению Перру, не подтверждается опытом: «в действительности, структуры монополистического капитализма создают препятствия для лучшего использования ресурсов». В этих условиях прибыль перестает стимулировать нововведения, так как тех же результатов можно добиться с помощью эффекта господства. Требуется хотя бы минимальное вмешательство государства для регулирования рынка. При этом государство выступает инициатором нововведений, «оно создает... жизненную среду, где частные предприятия способны проявить свою собственную созидательную инициативу». Созидательная функция государства в экономике необходима предприятиям: «они будут беспомощны без него, оно будет бесполезно без них»¹². И это сотрудничество осуществляется в интересах всего общества.

Прибыль обычно рассматривают как вознаграждение предпринимателю за выполнение функций координации (управления) и функций реализации нововведений (изме-

нений в производстве). Ф. Перру предлагает иное решение: прибыль — это вознаграждение власти и создание нововведения, полагая, что последние термины «имеют более строгий экономический смысл». Созидать в экономическом смысле — значит использовать эффективные новшества, главными из которых можно считать «снижение издержек производства, выпуск нового продукта, деформацию части окружения фирмы: изменение предпочтений покупателя-потребителя, изменение структуры соперничающей фирмы или фирмы, связанной с первой отношениями кооперации, изменение правил игры в ансамбле, планов или проектов экономических агентов, связанных с данной фирмой». Осуществлять власть в экономическом смысле, в единице производства, — значит обеспечивать совместимость планов агентов и групп, составляющих эту единицу, для достижения цели фирмы; «экономическая власть по существу иерархична». Власть отличается от лидерства или влияния одного агента на другого именно существованием иерархии.

Услуги экономического творчества и услуги экономической власти взаимодополнительны. Чтобы реализовать новшество, необходима определенная власть, а для осуществления власти необходимо созидание. Эти две услуги до известных пределов взаимозаменяемы. С одной стороны, экономическая единица иерархически организована подобно воинской части, а с другой — напоминает концерт отдельных артистов, ориентированных на достижение общей цели. Таким образом, при прочих равных условиях, прибыль предприятия можно охарактеризовать как функцию услуг созидания, услуг власти и их комбинаций.

Из всего вышесказанного Ф. Перру делает ряд выводов.

Прежде всего, «монопольная прибыль и прибыль инновационная в большинстве случаев неразрывно связаны между собой»¹³, т. е. трудно, чаще всего невозможно отделить влияние на прибыль эффекта господства от влияния на нее результата нововведений. Постоянная монопольная прибыль, как правило, невозможна вне реализации нововведений, а нововведения, особенно крупные, предполагают существование сверхприбыли как условия своей реализации. Это совсем не означает, будто эти две функции (услуги) Перру считает равноценными, он отдает предпочтение функции созидания, т. е. экономического творчества.

Далее. Если на небольших и средних предприятиях услуги власти и созидания

осуществляются единолично руководителем (будь то при капитализме или при социализме), то на крупных и на очень крупных предприятиях эта функция множества отделов, причастных к управлению и научным исследованиям. Люди с творческим подходом к руководству и к нововведениям должны вознаграждаться более высоко, чем простые исполнители, так как эти способности редки в отдельности, редчайши — в их комбинации. Вознаграждение не должно ограничиваться лишь заработной платой, а должно включать и часть прибыли в форме бонусов и премий. Только таким способом можно добиться максимальной эффективности труда. (Здесь Перру пишет о том, что десять лет спустя у Гэлбрэйта будет названа техноструктурой.)

В распределении прибыли предприятия должно участвовать и государство, ибо «крупные нововведения — это результат совместных созидательных усилий частных и общественных организаций»¹⁴. Деление прибыли между фиском и предприятием основывается не только на предоставлении государством частному инноватору общественных услуг «...государство, используя свою специфическую власть и свою специфическую способность к экономическому творчеству, порождает, как говорилось, жизненную среду для частных предприятий исходя из общественных услуг... оно может, следовательно, предъявить права на взимание в форме налогов части прибыли предприятия», но и на том факте, что государство само является инноватором; это деление «между двумя сотрудничающими инноваторами». В результате изменяется и сам характер прибыли предприятий. В значительной своей части прибыль по-прежнему определяется эффектом господства на рынке, но, как пишет Перру, смутно проявляются и черты прибыли функционально-дискуссионной, так как государство располагает средствами воздействия на размеры реализованной и распределенной прибыли. Здесь речь идет, подчеркивает Перру, не о том, чтобы редуцировать прибыль предприятия до какого-то «нормального» уровня вознаграждения собственника капитала или до квазизаработанной платы за управление предприятием, как можно было бы истолковать сказанное ранее, но о том, чтобы поставить образование сверхприбыли «под социальный контроль»¹⁵. Функциональная прибыль — это прибыль, делающая возможным нововведение, «в мире монополистической конкуренции и неравно доминирующих единиц она будет комбинацией результатов

конкуренции и результатов социального контроля. Прибыль не механистична, она дискуссионна...»¹⁶.

Оптимальная прибыль коллектива, т. е. прибыль полного нововведения — это сумма самофинансирования и чистой и функциональной прибыли (вознаграждение за услуги инноваций и власти). Эти две составляющие характерны и для капитализма и для социализма, несмотря на различие институциональных условий. Оптимальная прибыль, субъективно ожидаемая частным предприятием, приносит и дает оптимальный результат — инвестиции для всей национальной экономики. Благодаря самофинансированию единица производства получает простор для свободы решений, а чистая и функциональная прибыль способствуют достижению максимума экономически возможной инновации. «Функциональная прибыль... имеет лишь малейшее сходство с прибылью капиталистической». Она может рассматриваться как нормальная прибыль; в отличие от монополярной прибыли, которая не способствует рациональному использованию ресурсов, рациональному регулированию экономики и обновлению ее структуры, а чаще всего используется для защиты существующей рыночной позиции, где монополия уже господствует, функциональная прибыль связана с оптимизацией использования ресурсов. Категория функциональной прибыли должна, считает Перру, «представить в научном свете социальную законность прибыли и ее увеличение». Претензии же представителей социологического направления на обновление теории распределения, отмечает Перру, безосновательны: защитники прибыли как результата давления и борьбы социальных групп забывают о самом главном: выполнении прибылью полезной функции в экономике.

Не лишне заметить, - это относится не только ко «всеобщей экономике», но и к остальным разделам экономической концепции Ф. Перру, - что он явно недооценивает роль конкуренции как мощного стихийного фактора эволюции капитализма, а также сдерживающего фактора, который ограничивает непомерные аппетиты монополий. Перру, конечно, прекрасно понимает роль

конкурентной борьбы в капиталистическом хозяйстве, но как-то уж получается, что в его работах, начиная с конца 40-ых годов, она постоянно находится на втором плане, на первый же план выдвигается роль сознательного фактора в экономике, и не только тогда, когда речь идет об экономической деятельности государства, что можно было бы легко понять и объяснить, но и в том случае, когда он говорит о частных экономических единицах.

На этой же основе Перру пытается реформировать и неоклассическую теорию распределения. Его стремление рассматривать прибыль как вознаграждение за осуществление функций «власти и созидания» вместо функций «координации и новых комбинаций», не только не вносит ничего нового в трактовку прибыли, но, по нашему мнению, делает ее еще более неопределенной: понятие координации, например, отражает реальный и существенный компонент деятельности руководителя (единичного или коллективного) предприятия, он взят из условий практики, в то время как понятие власти, экономической власти, несет, в сущности, ту же самую смысловую нагрузку, но оно более аморфное и широкое, в практике не употребляемое и поэтому анализ его на феноменальном уровне, который один только и доступен научному исследованию, очень затруднен. То же самое можно сказать и о понятии «созидание, экономическое творчество».

Представляет определенный интерес желание Перру найти оптимальный уровень прибыли для предприятия и оптимальный (нормальный) уровень функциональной прибыли; в какой-то степени это напоминает исследования теоретиков оптимального планирования. Он пытается элиминировать влияние фактора монополии на эту прибыль. И снова он исходит из интересов планирования национальной экономики, из возможности рационализировать, подчинить сознательному началу те экономические процессы, в частности, нововведения, которые носят во многом иррациональный характер и по-иному осуществляться не могут. Кто определит этот нормальный уровень? Государство? Исходя из интересов

всей экономики? Одинакова ли должна быть нормальная прибыль для предприятий различных отраслей и подотраслей или должны быть различия? Нововведение нововведению рознь и прибыль нормальная и оптимальная для реализации одного будет чрезмерной для реализации другого и крайне незначительной для третьего. Оптимальная функциональная прибыль (сверхприбыль) — это очередная технократическая утопия. К тому же, как отмечает сам Перру, отделить прибыль, как результат монополистического контроля рынка, от прибыли, полученной от внедрения нововведений, практически, да и теоретически, невозможно, поэтому «противоположность между прибылью монополярной и прибылью нововведений становится чрезвычайно деликатной»¹⁷. Государство не располагает, пишет он, «эффективными средствами борьбы против монополий», не имеет четких критериев «отбора между их положительным эффектом нововведений и негативным эффектом их силы»¹⁸.

Библиография:

1. Арон Р. «Опиум интеллектуалов» М.2015, с.81.
2. Арон Р. «Опиум интеллектуалов» М.2015, с.33,34.
3. Арон Р. «Опиум интеллектуалов» М.2015, с.33,34.
4. Perroux F. L' Economie du XXe siècle. Paris., 1961. p. 512,513.
5. Ibid., p. 508,511.
6. Ibid., p. 513.
7. Ibid., p. 400,399.
8. Ibid., p. 399.
9. Ibid., p. 544.
10. Ibid., p. 390.
11. Ibid., p. 546.
12. Ibid., p. 546,548,550.
13. Ibid., p. 551,552,396.
14. Ibid., p. 397,396.
15. Ibid., p. 398,555.
16. Perroux F. Les techniques quantitatives de la planification. P., 1965. p. 242.
17. Ibid., p.543.
18. Perroux F – Le IV Plan francais. Paris 1982., p. 28.